

УДК 343.1

*Н. С. Расулова**начальник кафедры уголовного процесса
Уральского юридического института МВД России**Э. Р. Миргородская**адъюнкт адъюнктуры
Санкт-Петербургского университета МВД России*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Уголовно-процессуальное законодательство не только Российской Федерации, но и зарубежных стран регулярно претерпевает изменения, все большую актуальность приобретает использование специальных знаний. Так, в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом (далее — УПК) Республики Казахстан специалист может привлекаться к исследованию материалов негласных следственных действий, которые появились в законодательстве данного государства с принятием нового УПК Республики Казахстан. Прежде всего, следует отметить то, что реформирование уголовно-процессуального законодательства направлено на расширение способов получения доказательств, что обуславливает введение в действие главы 30 УПК Республики Казахстан «Негласные следственные действия», которая предусматривает эффективное применение норм оперативно-розыскной деятельности по сбору доказательственной базы в рамках уголовно-процессуальной деятельности. Включение данных норм в уголовно-процессуальную деятельность было вызвано необходимостью оперативного реагирования на выявленные правоохранительными органами преступления, поскольку существует высокая вероятность уничтожения доказательств будущим обвиняемым в случаях, когда он узнает о подаче заявления пострадавшим или о начале уголовного преследования в отношении него.

Законодательное определение следственных действий дается в ст. 7 УПК Республики Казахстан, в соответствии с которой это действие, проводимое в ходе досудебного производства без предварительного оформления лиц, интересов которых оно касается, в порядке и случаях, предусмотренных УПК Республики Казахстан [1].

Однако казахстанские юристы имеют неоднозначные позиции [2]. В частности, Б. Х. Толеубекова отмечала, что, поскольку оперативно-розыскная деятельность носит поисковый характер, является непроцессуальной, ее результаты не могут являться доказательствами по уголовному делу. Но на наш взгляд, процессуальное оформление методов оперативно-розыскной деятельности в УПК

Республики Казахстан решает эту проблему, и подобный выход из ситуации является весьма прогрессивным на сегодняшний день и отвечает современному уровню противодействия преступности с учетом развития способов совершения преступлений с использованием всевозможных компьютерных и информационных сетей. Между тем аналогичный опыт законодательного расширения использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном оформлении имеется в таких странах постсоветского пространства, как Украина, Грузия, Латвия, Киргизия, только называются они по-разному — «негласные (розыскные) и тайные следственные действия». Так, согласно УПК Украины негласные следственные действия проводятся только по категории тяжких и особо тяжких преступлений и в случаях, когда сведения о лице и о преступлении невозможно получить иным способом (ч. 2 ст. 246 УПК Украины). Основанием для производства негласных следственных действий по УПК Республики Казахстан выступает зарегистрированное заявление, сообщение о преступлении в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, санкция за совершение которого составляет лишение свободы от одного года и выше, то есть по преступлениям небольшой тяжести даже в том случае, если сведения о преступлении можно получить гласным путем (ч. 4 ст. 232 УПК Республики Казахстан), при наличии санкции следственного судьи (ч. 1 ст. 234 УПК Республики Казахстан). Негласные следственные действия могут проводиться в любое время суток в течение всего срока их проведения.

Между тем, проводя сравнительно-правовую корреляцию негласных способов собирания доказательств, необходимо отметить, что в Российской Федерации так называемой аналогией негласных следственных действий являются оперативно-розыскные мероприятия, регламентированные Федеральным законом № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», проводимые как гласным, так негласным методом, кроме того, можно отметить то, что некоторые ученые выделяют и среди следственных действий те, которые проводятся абсолютно на основе конфиденциальности: получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами; контроль и запись переговоров [3].

По-разному в Российской Федерации и Казахстане относятся к доказательственному значению результатов, полученных в ходе производства оперативно-розыскных мероприятий и негласных следственных действий.

Так, в соответствии со ст. 89 УПК Российской Федерации результаты оперативно-розыскной деятельности должны отвечать требованиям относимости, допустимости, достаточности и достоверности и предоставляться в порядке, предусмотренном Федеральным законом № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Как правило, все материалы или информация, полученные в ходе

проведения оперативно-розыскных мероприятий, должны получить процессуальную форму (изъятие в ходе выемки, показания свидетеля, показания специалиста) и только после этого могут стать полноценными доказательствами по уголовному делу, до их процессуального оформления материалы, полученные в ходе проверки сообщения о преступлении, могут являться лишь информацией, подлежащей проверке, полученной оперативным путем.

Рассмотрим также опыт Республики Беларусь. Для начала отметим, что Д. А. Свиридов провел сравнительный анализ норм Уголовного кодекса Республики Беларусь об уголовной ответственности по ст. 233 «Предпринимательская деятельность, осуществляемая без специального разрешения (лицензии)» и сделал выводы об усложнении предмета доказывания [4], что непременно отражается на способах собирания доказательств и применении специальных знаний по указанной категории преступлений.

Так, в соответствии со ст. 88 УПК Республики Беларусь доказательствами по уголовному делу являются любые фактические данные, источниками доказательств могут выступать протоколы следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий о снятии информации с технических каналов связи или о прослушивании и записи телефонных переговоров, используемых с применением технических средств связи, которые составлены в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, а также протоколы судебного заседания с приложением соответствующих материалов, полученных в ходе проведения следственного, судебного, оперативно-розыскного действия.

Некоторые юристы справедливо отмечают, что такие формы применения специальных знаний, как акты ревизии и проверок, не предусмотрены в качестве доказательств по уголовному делу, перечисленных в ст. 74 УПК Российской Федерации, то есть не имеют доказательственного значения, как, например, заключение эксперта и заключение специалиста. Правоприменительная практика сложилась таким образом, что они приобщаются к материалам уголовного дела в качестве «иных документов». Аналогичная практика имеется в зарубежном законодательстве.

В уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь к формам использования специальных знаний относится проведение проверок финансово-хозяйственной деятельности, регламентируемых Указом Президента Республики Беларусь от 22 июня 2010 года № 325 «О ведомственном контроле в Республике Беларусь», а также иными подзаконными актами. Проверка финансово-хозяйственной деятельности является непроцессуальной формой использования специальных знаний, однако имеет доказательственное значение по уголовному делу. Результаты ведомственных проверок и проверок финансово-хозяйственной деятельности отражаются в актах. Данные документы приоб-

щаются к материалам уголовного дела в качестве доказательств и остаются при нем в течение всего срока хранения [5].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в условиях динамичной действительности и развития форм и методов преступной деятельности не стоит на месте и уголовно-процессуальное законодательство. В этом плане страны ближнего зарубежья и некоторые страны Европы (Франция, ФРГ) сделали шаг вперед и признали результаты негласной деятельности доказательствами по уголовному делу, что достаточно расширило возможности использования специальных знаний в доказывании.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения 12.03.2021). [Перейти к источнику](#) [Вернуться к статье](#)

2. Бачурин С. Н., Сыздыков К. Т., Ержанов Т. М. Критические замечания и предложения по проекту Закона РК. О внесении изменения и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Хабаршы-Вестник Карагандин. Акад. МВД РК им. Б. Бейсенова. 2011. № 4. С. 42. [Вернуться к статье](#)

3. Колосович М. С. Интеграция оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности в законодательстве некоторых государств постсоветского пространства: современное состояние и перспективы развития // Вестн. Москов. ун-та МВД России. 2016. № 5. С. 154. [Вернуться к статье](#)

4. Свиридов Д. А. Влияние изменений уголовного закона Республики Беларусь на методику расследования незаконного предпринимательства // Вестн. Уральского юрид. ин-та МВД России. 2019. № 4 (24). С. 116. [Вернуться к статье](#)

5. Нестер И. С. Формы использования специальных знаний: особенности классификации в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь // Вопросы российского и международного права. 2017. Том 7. № 1А. С. 169–179. [Вернуться к статье](#)